

На следующий день Цзи Вэй пошел торговать один и не взял с собой Лю Иманя. Во-первых, торговля лепешками уже пошла своим ходом: даже без Лю Иманя он мог справиться. Во-вторых, Лю Имань был еще молод. По мнению Цзи Вэя, ему следовало усердно учиться. Чтобы не мешать занятиям, Цзи Вэй оставил его дома, задал уроки и выкатил тележку за дверь.

Лю Иманю редко выпадало свободное время, и он какое-то мгновение даже не знал, чем заняться. Сначала вскипятил воду и вымылся, потом взял одежду, которую Цзи Вэй сменил вчера, и отнес к реке стирать. Развесив ее на веревке на заднем дворе, он сам вернулся в комнату, достал первый из десяти листов прописей, оставленных Цзи Вэем, растер тушь, взял кисть и начал писать.

Он писал очень медленно. В мыслях снова и снова вспоминалось, как Цзи Вэй держал его запястье. Напитанная тушью кисть тогда двигалась уверенно, с силой, и оставляла знаки, которые отличались от его прежних каракулей как небо от земли.

Написав несколько иероглифов, Лю Имань останавливался, размышлял, чуть менял положение руки и продолжал. На первый лист из «Лунь юй» ушло больше получаса.

Ко второму листу он сразу не приступил, а встал у окна, позволяя ветру подсушить тушь. Подняв глаза, он увидел знакомую фигуру, идущую в эту сторону.

Лю Имань нахмурился, поднял руку и окликнул:

- Ацю, давно тебя не видел...

Он думал, что тот просто проходит мимо, и никак не ожидал, что Ацю пришел именно к нему. Когда Ацю остановился прямо перед ним, удивление еще не исчезло с лица Лю Иманя.

- Как это у тебя нашлось время прийти ко мне? Твой муж отпустил?

Гээров здесь не слишком жаловали, потому что жители города ценили наследников. Если у мужчины не было телесного недуга или семья не была настолько бедна, что не могла взять в жены девушку из хорошей семьи, гээра брать не хотели: родить от них было трудно.

Ацю был одним из немногих гээров в Чанлю. В отличие от Лю Иманя, которого продали сюда, он родился и вырос в этом городе. Но семья продала его за один лян серебра рыбаку, жившему у реки.

Рыбаку было за тридцать, и когда-то он уже женился. Только нрав у него был плохой: чуть что, бил и ругал. Жена оказалась слабого здоровья, а когда заболела, ее вовремя не повели к лекарю, и она умерла. После этого много лет никто не хотел выходить за него, так что в конце концов ему пришлось купить Ацю.

Первые полгода его характер был еще довольно мягким, и Ацю часто приходил к Лю Иманю, пока прежнего владельца тела не было дома. Но за последний год рыбак становился все раздражительнее, и Ацю теперь с трудом выбирался раз в месяц.

Увидев его, Лю Имань покраснел от радости, взял за руку, усадил на табурет и сказал бодрым голосом:

- Ацю, я так рад, что ты пришел.

Ацю давно не видел Лю Иманя. Он взял его лицо в ладони, повернул туда-сюда и удивленно

сказал:

- Мянмянь, у тебя лицо такое румяное. Ты будто даже поправился?

Он помнил, что Лю Имянь рассказывал: господин из семьи Цзи жестокий и грубый. Если ему что-то не нравилось, он сразу бил. Дома почти не бывал, денег давал мало, и Лю Имянь часто голодал. Ему уже пятнадцать, а он худой, маленький, ниже самого Ацю.

Ацю жалел его и каждый раз, когда приходил в дом Цзи, приносил что-нибудь поесть. Сегодня тоже не стал исключением.

- Я принес тебе две паровые булочки!

Тут Ацю вспомнил: чтобы тайком вынести булочки из дома и не дать мужу заметить, он завернул их в промасленную бумагу и спрятал за пазуху. К тому времени, как он достал их, булочки уже смялись.

- Немного примялись, но ничего. Ешь скорее.

Он, как обычно, решил, что Лю Имянь еще не завтракал, и радостно поднес булочку к его рту, ожидая, что тот возьмет ее и с жадностью съест.

Лю Имянь взял булочку, положил на развернутую промасленную бумагу, но есть не стал.

- Ацю, я уже завтракал. Забери булочки домой. Если твой муж узнает, он снова будет ругаться.

- Что ты ел? Откуда у тебя еда? - Ацю не понял и решил, что Лю Имянь просто с ним вежлив. - Зачем ты со мной церемонишься? Мы оба гээры, как я могу тебе не помочь?

- Ацю, братец Цзи теперь очень хорошо ко мне относится. Последние полмесяца я ел досыта каждый раз, так что не рискуй больше и не кради еду из дома ради меня, - Лю Имянь взял Ацю за запястье и искренне посмотрел на него.

- Ты... - Ацю убрал руку, подумал, но все равно не смог поверить. - Ты точно мне врешь.

Он и от других кое-что слышал, но лишь слушал и не верил. Просто тот Цзи Вэй, о котором он знал со слов Лю Имяня, совсем не походил на человека, способного признать ошибку и исправиться.

А теперь тот самый Лю Имянь, который раньше постоянно жаловался, говорит, что Цзи Вэй правда изменился?

Нет, невозможно.

Ацю подумал еще немного: раз булочки тебе не нужны, значит, я заберу их домой.

Он потянулся к булочкам на столе, но, повернувшись боком, заметил лежавшие там кисть и бумагу и с насмешкой сказал:

- У вас дома кто-то писать умеет? Я думал, твой Цзи только драться умеет.

Лю Имянь впервые почувствовал, что слова Ацю звучат неприятно. Он распахнул глаза и упрямо посмотрел на него:

- Это я писал. У братца Цзи почерк красивый. Ацю, как ты можешь так говорить о братце Цзи? Он теперь правда хороший!

Последние слова Лю Имянь произнес особенно твердо.

Но Ацю только тихо рассмеялся и вовсе не принял это всерьез.

- Даже если он умеет писать, не станет же он покупать тебе кисть и бумагу. Просто скажи, у кого ты их взял. Мы же с тобой свои. Почему ты мне правду не говоришь?

Лю Имянь был мягким по характеру и редко сердился. Но сегодня, услышав слова Ацю, он вдруг почувствовал, как в груди поднимается злость, и глаза покраснели.

Он громко сказал:

- Ацю, можешь мне не верить, но нельзя так говорить о братце Цзи! Он не только кормит меня мясом, но и покупает мне книги, и учит писать. Он самый хороший человек на свете!

Ацю остолбенел. Он не ожидал, что Лю Имянь отнесется к этому так серьезно, и на мгновение смутился.

- Я сказал не то, не принимай близко к сердцу. Написано и правда хорошо...

Но настроение Лю Имяня от этих слов не улучшилось.

Ацю ведь не знает грамоты. Почему же все равно отвечает так, будто отделяется?

Лю Имянь замолчал, поджал губы и отвернулся, отказываясь смотреть на Ацю.

- Мянмянь, ты правда меня игнорируешь? - Ацю обиделся и потянул Лю Имяня за край одежды.

Он знал, что Лю Имянь мягкосердечный.

И действительно, вскоре Лю Имянь смягчился:

- Ацю, мне все равно, что ты говоришь обо мне, но больше не говори дурного о братце Цзи. Иначе я потом не стану с тобой разговаривать.

Ацю кивнул и с самым искренним видом согласился.

Потом он сел сбоку и тихо наблюдал, как Лю Имянь упражняется в письме, время от времени хваля его несколькими словами. Атмосфера снова стала спокойной.

Ближе к полудню Лю Имянь все еще не поднимал головы от «Ши цина», и Ацю начал за него тревожиться. Он толкнул его, и книга выпала из рук Лю Имяня на пол.

- Прости, Мянмянь, я не нарочно.

Лю Имянь примерно прикинул время: уже почти полдень.

Он закрыл «Ши цин», аккуратно убрал кисть, тушь, бумагу и тушечницу в шкаф, чтобы не занимать стол.

Подойдя к Ацю, он сказал с легкой отстраненностью:

- Ацю, останься сегодня на обед.

Раньше Лю Имянь взял бы Ацю под руку и с радостной улыбкой приглашал его. Сегодня же он говорил вежливее, но оба почти не придали этому значения.

Ацю не воспринял перемену всерьез и по привычке протянул руку, чтобы взять его за руку. Но Лю Имянь первым вышел за дверь и на ходу сказал:

- Братец Цзи скоро вернется. Ты как раз сможешь его увидеть.

Лю Имянь думал: если Ацю увидит братца Цзи своими глазами, он поверит его словам.

Пусть Ацю неправильно понимает его самого, это не важно. Но неправильно понимать братца Цзи - нехорошо.

Лю Имянь шел и думал об этом, а шаги становились все быстрее.

Ацю шел следом и замахал рукой, пытаясь остановить его:

- Мянмянь, я не останусь есть. Если вернусь поздно, боюсь, муж рассердится...

- Братец Цзи сегодня наверняка купит свинины. А дома еще осталось одно ребро. Может, сначала его потушить.

Лю Имянь говорил сам с собой, а Ацю удивленно шел за ним и спросил:

- Вы теперь так хорошо едите? Похоже, дела у Цзи Вэя идут неплохо.

Даже у них дома еда была не такой. Ацю невольно позавидовал.

Сначала он хотел еще раз сказать, что не останется на обед. Но, подумав, передумал: ему захотелось посмотреть, правда ли то, о чем говорил Лю Имянь.

Они прошли через двор и сразу увидели хлебную печь у стены дома. Большая, квадратная, она занимала немало места и стояла всего в нескольких шагах от колодца.

- Мянмянь, что это?

Лю Имянь даже не обернулся:

- Это хлебная печь, которую братец Цзи сложил вчера. Свиная грудинка из нее получается такая хрустящая и вкусная.

- Правда?

Ацю сомневался.

Лю Имянь подошел к колодцу и достал ребра, которые охлаждались в воде. Потом вернулся к Ацю и стал объяснять ему про хлебную печь. Указывая на отверстие в середине круглой глиняной арки, он сказал:

- Сюда кладут еду, снизу разводят огонь. Немного подождать - и можно есть.

Хлебные печи в здешних местах не водились, поэтому Ацю никогда не видел ничего подобного. Он тянул Лю Имянь за рукав и задавал множество странных вопросов, но Лю Имянь не мог ответить на все и велел ему дожидаться возвращения Цзи Вэя.

Когда он промыл ребра, нарубил их кусками и отправил в котел с зеленым луком и ломтиками имбиря, Цзи Вэй, распродав лепешки, как раз вернулся с Западной улицы, толкая тележку.

Подойдя к двери, он по привычке крикнул:

- Мяньмянь, я вернулся!

Лю Имянь в доме тут же бросил тряпку, налил из глиняного кувшина миску холодной воды и вынес Цзи Вэю.

- Братец Цзи, выпейте воды.

Цзи Вэй выпил все, вернул пустую миску Лю Имяню и протянул руку, чтобы взъерошить ему волосы.

- Утром хорошо читал и писал?

- Я выучил стихотворение «Цзы цзинь» и почти дописал две страницы.

- Хорошо, - Цзи Вэй довольно достал из тележки один глиняный кувшин. - Это твоя награда.

- Что это?

Лю Имянь взял кувшин. Он оказался тяжелым. Стоило слегка покачать, как внутри что-то перелилось.

- Открой и посмотри.

Цзи Вэй подтолкнул тележку к углублению у стены, где она как раз встала на место, затем наклонился и достал снизу еще два таких же глиняных кувшина.

К этому времени Лю Имянь уже развязал крышку. Увидев внутри молочно-белую жидкость, он тут же воскликнул:

- Молоко! Братец Цзи, где вы его взяли?

- Знаешь хромого Чжао?

Лю Имянь кивнул. Конечно, он слышал о хромом Чжао, в городе его знали все. Немолодой холостяк, который когда-то отправился в горы, угодил в ловушку и сломал ноги. Характер у него был одинокий и упрямый. Он держал большое стадо коз, большую часть продавал в город, и денег у него точно хватало, но жил он в ветхом доме и переезжать отказывался. Странностей у него было столько, что никто не понимал.

- Сегодня я пошел к нему купить козьего молока. Думал, он не продаст. А только я открыл рот, угадай, что он сказал?

Лю Имянь растерянно покачал головой.

Цзи Вэй рассмеялся:

- Он сказал, что мои лепешки с яйцом теперь известны, раз уж я пришел, то должен сделать ему несколько на пробу. Если ему понравится, молока могу брать сколько хочу.

- Братец Цзи...

- Разве я тебе вру? Кувшин у тебя в руках - для тебя. Каждый день будешь пить молоко, тогда и вырастешь выше. Посмотри, какой худой.

Лю Имянь замер.

- Каждый день?

- Именно. Братец Цзи сказал - братец Цзи сделает.

Цзи Вэй довольно присвистнул, взял по глиняному кувшину в каждую руку и только повернулся, как вздрогнул от Ацю, который уже давно топтался у двери.

<http://bllate.org/book/17814/1691580>